

РИТОРИКА ВЛАСТИ В РОМАНАХ-УТОПИЯХ СЭМЮЭЛА БАТЛЕРА И ЭДВАРДА БЕЛЛАМИ

Максим ШАДУРСКИЙ,

докторант, кандидат филологических наук
(Эдинбургский университет, Великобритания)

Abstract

Rhetoric is capable of relating the state of the world. Moreover, when used for a purpose, it can create a model world of its own, appeal to the imagination, and initiate action. As an arguably rhetorical genre utopia charts and explores ways in which the world is subject to imaginary change. This article brings into focus two utopian novels of the late nineteenth century – “Erewhon” (1872) by Samuel Butler and “Looking Backward”, 2000-1887 (1888) by Edward Bellamy. These novels are examined in juxtaposition in order to give an insight into the (ab)use of rhetoric in both the fictional realm of utopia and beyond.

The realization of the rhetoric of power is traceable to the descriptive lexical units the two writers employ. The protagonist of Butler’s novel undertakes an assiduous journey into a world of anagrams and antipodes, whose nature is defined as hypothetical. Hypothetics, according to Butler, rests on a set of «utterly strange and impossible contingencies», aimed at educating the mind’s flair for inconsistency and evasion. The fictional world of Bellamy’s novel is, on the contrary, coherent and logical. The aspects of this fictional world are dubbed prodigious on the grounds that even «humanity’s ancient dream of liberty, equality, fraternity at last was realized». The protagonist of Bellamy’s novels is transported in his sleep to a future only slightly reminiscent of contemporary Boston. Books available in these allegedly perfect societies contain a wealth of information according to which their social ideal functions. Butler identifies «an unfair and exaggerated representation of life and things» in rhetorical postulates. Julian West, in turn, discovers a well of amazement in the absence of social incongruities in the books of the future because the latter not only condense the memory of the past, which is successfully obliterated in Erewhon, but also overshadow history from the height of the current moment. The rhetoric of power becomes manifest in the mechanism of orchestrating public opinion by means of treatises and sermons. In “Erewhon”, public opinion is affected by local prophets and philosophers whose rhetoric, embodied in books, results in damaging action. Bellamy attributes the role of ideological didactics to religion, which means that the preacher’s rhetoric ranks as an indisputable moral authority.

The fictional worlds of Butler and Bellamy demonstrate an understanding of the rhetoric of power as a constructive and/or latently destructive force. Where Butler’s Erewhon exposes the paradoxical potentialities of rhetoric, Bellamy sanctifies rhetoric, refusing to recognize the hidden antipodes reposed in it. But there is more to rhetoric and to its potentialities. Not only does the rhetoric of power have the capacity to describe the state of the world or create a fictional world, but it can also ruin this world and along with it, the Universal creation.

Keywords: rhetorics, imagination, utopia.

Rezumat

Retorica este un mijloc de a prezenta realitatea. Mai mult decât atât, atunci când este folosită cu un scop oarecare, ea poate condiționa acțiunii, crea chiar o realitate proprie, făcând apel, în acest caz, la imaginație. Astfel, ca gen retoric, utopia schițează și analizează modalitățile după care lumea este supusă schimbărilor imaginare. În articol, se face referință

la două romane utopice ale secolului al XIX-lea: „Erewhon” (1872) de Samuel Butler și „Looking Backward” (1887-1888) de Edward Bellamy. Aceste romane sunt analizate în juxtapunere, pentru a oferi o imagine a utilizării retoricii atât în domeniul fictiv (adică utopic), cât și în cel extrafictiv.

Particularitățile retorice ale acestor romane sunt cercetate în baza unităților descriptive lexicale. Protagonistul romanului lui Butler se angajează într-o călătorie asiduă într-o lume de anagrame și antipozi, a căror natură este definită ca fiind ipotetică. Ipoteza, după Butler, se bazează pe un set de „evenimente extrem de neprevăzute, ciudate și imposibile” care vizează educarea perspicacității minții pentru inconsecvență și evaziune fiscală. Lumea fictivă a romanului lui Bellamy este însă coerentă și logică. Aspectele acestei lumi fictive sunt definite ca prodigioase, deoarece „visul străvechi al umanității de libertate, egalitate și fraternitate a fost, în sfârșit, realizat”.

Protagonistul lui Bellamy este transportat în somn într-un oraș al viitorului care seamănă puțin cu Bostonul contemporan al autorului. Cărțile care se întâlnesc în societatea perfectă, prezentată de acesta, conțin informații asupra funcționării societății ideale. În afirmațiile sale „retorice”, Butler prezintă „o imagine inechitabilă și exagerată a vieții și a lucrurilor”. Julian Vest, la rândul său, descoperă o sursă de uimire (în absența unor înconcordanțe sociale) în cărțile de viitor, deoarece acestea din urmă nu numai că fixează trecutul care este distrus în „Erewhon”, dar lasă în umbră istoria din perspectiva prezentului. Retorica își are rolul ei în mecanismul de manifestare a opiniei publice prin intermediul unor tratate și predici.

În „Erewhon”, opinia publică este manipulată de profesii locale și de filosofii ale căror retorică, întrupată în cărți, are consecințe dăunătoare. Bellamy atribuie religiei rolul didacticii ideologice, ceea ce înseamnă că retorică predicatorului prezintă o autoritate morală incontestabilă pentru toți.

Lumea ficțională a lui Butler și Bellamy demonstrează o conceptualizare a retoricii ca forță implicită și distructivă. În timp ce în „Erewhon”, Butler expune potențialul paradoxal al retoricii, Bellamy aprobă retorică, dar prin retorică, Dânsul concepe mult mai mult decât Butler. La Bellamy, retorică are capacitatea nu numai de a descrie starea lucrurilor sau chiar de a crea o lume fictivă, dar și de a distruge această lume și, împreună cu ea, întreaga creație universală.

Cuvinte-cheie: *retorică, imaginație, utopie.*

Жанровое своеобразие утопии проявляется в принципиальной установке на экспликацию совершенного политико-социального устройства конструируемой действительности. В художественной модели мира, образующей семантическое ядро жанра утопии, акцентирован государственный уровень (телеосфера), определяющий функционирование морально-этической системы (этосфера) внутри условного пространства, замкнутого определенным рубежом (топосфера).¹ В начале XX в. Артур Кирхенгейм предлагал называть такие жанровые образования политико-экономическими романами,

¹Впервые данный комплекс типологических констант жанра утопии был выдвинут мной в монографии (Шадурский, 2007, с. 11-14) и получил дальнейшую детальную разработку в исследовании романов-утопий английских писателей (Шадурский, 2008).

потому как они суть «произвольные фикции, созданные воображением [...], где, под видом вымыслов, рисуется перед нами идеальное государство и идеальное общество».² Идеальное, или, в терминах Томаса Мора, «наилучшее», государственное устройство предполагает действие триединого телеологического комплекса: государь – закон – институт, нацеленного на учреждение устойчивой формы правления в вымышленном обществе и развитие адекватной ей формы духовной чувствительности. Художественный опыт авторов утопий показал, что для достижения данной цели необходимы исключительные герои на роль государя, лаконичное и ясное законодательство, а также институционализированное принуждение, практика которого относится к прерогативам власти. Начиная свое сочинение об «общепонятных средствах» убеждения, Аристотель оценивал риторику как жизненно важное искусство словесного воздействия: «[...] если позорно быть не в состоянии помочь себе своим телом, тем более позорно бессилие помочь себе словом, ибо пользование словом более присуще человеку, чем пользование телом».³ Исходя из этого, риторика, которой авторы утопических произведений наделяют власть, располагает выдающимися возможностями по сравнению с другими средствами поддержания миропорядка, создаваемого художественным воображением.

Во второй половине XIX в. к созданию художественного мира в жанре утопии были причастны многие английские и американские писатели, однако особой славы по оба берега Атлантики снискали Сэмюэл Батлер (1835-1902) и Эдвард Беллами (1850-1898). Выросшие в семьях священнослужителей и воспитанные в атмосфере почитания Слова Божия, оба писателя настороженно отнеслись к чрезвычайно популярной в то время эволюционной теории Чарлза Дарвина, благосклонно восприняв лишь концепцию поступательного развития внутри одной парадигмы. В творчестве Батлера четко прозвучал иконоборческий пафос, направленный против незыблемых авторитетов, в то время как Беллами, противясь социальному пороку, остался верен пуританской традиции, подпитываемой американскими источниками. Миропонимание писателей во многом предопределило их отношение к риторике, что нашло отражение в созданных ими романах-утопиях: «Едгин» (*Erewhon*, 1872), «Возвращение в Едгин» (*Erewhon Revisited*, 1901) Батлера и «Взгляд назад. 2000–1887» (*Looking Backward: 2000–1887*, 1888), «Равенство» (*Equality*, 1897) Беллами. В исследовании жизни и творчества Батлера Ли Холт заметил, что завязка первого романа «красноречиво раскрывает механизм символической

²Кирхенгейм, 1902, сс. 3-4.

³Аристотель, 2005, с. 8.

трансформации – перехода из мира, где все, что подвластно пониманию, находится на своих местах, в новую страну Едгин, принципы которой имеют иную логику».⁴ Иная логика мира заложена и в романе Беллами. Хотя писатель не переставляет буквы в географических названиях и именах персонажей, символический путь к обществу истинного братства между мужчинами и женщинами, естественного чувства духовной солидарности верно обозначен. При всем обилии расхождений в целях и средствах Батлера и Беллами объединяющим звеном в их творческих системах остается риторика, авторитет которой зафиксирован на различных уровнях художественного мира романов-утопий.

Особенно важную роль в расстановке авторитетных акцентов в романах играют дескриптивные единицы, актуализируемые риторикой. Речь идет о планомерном или неосознанном повторении описательных средств языка. Мирозидение Батлера, традиционно рассматриваемое как переходное от Викторианства к Эдвардианской эпохе, обладало парадоксальными чертами, которые проявились в его стремлении сочетать несовместимое в причудливой форме. Способом изложения в романе «Едгин» выступал парадокс, в котором, по выражению Ивана Чекалова, «истина и нелепый вымысел – “сиамские близнецы”».⁵ В импульсивном желании Батлера атаковать наличную правду действительности посредством парадокса Г. Кэннан усматривал причину логической несостоятельности и неудобоваримости произведений писателя.⁶ Соединяя идеал с гротескным образом повседневности, Батлер обозначил выявляемую модель мира в романе «Едгин» существительным «гипотетика». Едгинские колледжи неразумности не единственное ристалище обозначенных умозрений. Плодами гипотетики пронизано обыденное мышление жителей Едгина, основанное на усиленных предположениях об обратном и потому вынужденное только приближаться к истинному образу бытия, таящемуся в риторике. В отличие от идейной разнородности утопического замысла Батлера художественный мир романа Беллами характеризуется предзаданной стройностью и логичностью. Такое мироустройство прямо свидетельствует о трансцендированности политико-социального идеала, который, по прогнозам самого автора, должен был воплотиться к 2000 году и который, по оценкам Р. Джэкоби, человечеству еще предстоит реализовать.⁷ Ключевым словом в риторическом арсенале произведения является эпитет

⁴Holt, 1964, p. 38.

⁵Чекалов, 1967, с. 89.

⁶ Cannan, 1915, p. 151.

⁷Jacoby, 2000, p. 73.

«потрясающий» (*prodigious*). Потрясающим оказывается сам факт фантастического путешествия во времени, в результате которого взору главного героя, равно как и читателям, открывается потрясающая картина будущего, ибо «на протяжении многих тысячелетий мировая история еще не ведала более изумительных перемен».⁸ Насущные проблемы человеческого существования контрастируют поразительным образом с решениями в области производства (армия рабочих), потребления («всем по потребностям»), градостроения (утопающая в зелени симметрия улиц Бостона) и т.д. Потрясающим в романе американского писателя названо то, о чем гипотезируют герои «Едгина». Однако, важно отметить, неоднозначная риторика в романе Батлера оставляет больше места для свободы по сравнению с ее утвердительностью в проекте Беллами.

Риторика выступает авторитетной знаковой системой в книгах, доступных читателям изображаемых утопических сообществ. Книга как важнейшая среда обитания риторики содержит в обобщенном виде мировоззренческую базу жизненных основоположений, по которым функционирует общество. Герой Батлера Хиггс черпает свои знания о едгинском религиозно-мифологическом учении из местных книг, открывая для себя, что фатализм – идейная сердцевина мифологического миропонимания едгинцев. Прямая времени непрерывно соединяет, по их мнению, прошлое с будущим, словно «лента на двух катушках», «которая не поддается ускорению или остановке и поэтому требует принятия того, что разворачивается перед нами вне зависимости от наших предпочтений».⁹ Процесс развертывания событийной ленты неподвластен человеческому вмешательству, и ход времени нужно воспринимать как неизбывный закон: «Время споспешествует нам и озаряет нам дорогу по мере продвижения, однако яркий свет часто слепит нам очи и сгущает темноту перед нами».¹⁰ Хиггс устанавливает, что жители страны верят в пренатальное существование душ, скитающихся в своем царстве до самовольного появления на свет. Сам факт рождения расценивается как злодеяние, за которое «приговор может быть приведен в действие в любой момент после совершения преступления».¹¹ Избежание наказания возможно только в случае беспрекословного выполнения требований «формулы рождения», предписывающей человеку смирение и раболепие перед окружающей действительностью на протяжении всей его жизни. Загробная жизнь полностью исключена в

⁸Bellamy, 2000, p. 26.

⁹Butler, 1942, p. 115.

¹⁰*ibidem*.

¹¹*ibid.*, p. 117.

Едгине из реестра потенциальных локусов обитания: человек, подобно ленте времени, проходит, не спеша, перед лицами наблюдателей и навеки исчезает, не оставив после себя никаких воспоминаний. Память о прошлом подвержена обработке со стороны так называемого «общества по ликвидации ненужных знаний и дальнейшему забвению истории». Полное игнорирование возможности будущего обуславливает пренебрежительное отношение к знанию как таковому, а также к его хранению и преумножению. В данном случае можно отчасти согласиться с Холтом в том, что весь процесс социализации в Едгине нацелен на нивелировку умения «вести полезный образ жизни».¹² Сам Батлер, однако, улавливал в риторических постулатах подобного рода «несправедливое и ходульное изображение действительного; и если бы авторы, – продолжал он, – имели к тому предрасположенность, они бы нарисовали образ, как светлые, так и темные тона которого казались бы ошибкой».¹³

Аспекты политико-социального устройства страны будущего в романе-утопии Беллами переданы в книгах, риторика которых способствует оформлению разрозненных представлений Джулиана Уэста в целостный образ идеальной жизни. Как и Батлер, автор «Взгляда назад» проводит временную линию в исторической и экзистенциальной перспективе. Во время своего пребывания в отдалении от родного Бостона почти на сто тринадцать лет главный герой романа открывает, что США к XX в. «вступили в эпоху миллениума» и что «данная теория отнюдь не беспочвенна».¹⁴ Благополучие всей нации, отсутствие социальных трудностей, устроенность личной жизни граждан, бросающиеся в глаза Уэсту, подтверждают сформулированный в романе вывод о том, что «нынешний мир – рай по сравнению с тем, что было раньше».¹⁵ С первого до последнего вздоха в этом раю человек запрограммирован социальной необходимостью в качестве поборника идеи прогресса – целевого хода истории. Пакеты документов в будущем Бостоне строго регламентируют возрастной и гендерный ценз в вопросах индивидуального роста для общественной пользы. Если душа в Едгине перемещается после своего рождения в непредсказуемый мир, то законодательство в произведении Беллами гарантирует неродившимся наличие умных и воспитанных родителей, равно как и совершенную систему жизнеустройства. В силу устремленности в будущее экзистенциальные искания бостонцев XX в. не девальвируются

¹²Holt, 1964, p. 43.

¹³Butler, 1942, p. 121.

¹⁴Bellamy, 2000, p. 55.

¹⁵*ibidem*.

сиюминутным разочарованием в дне сегодняшнем. По оценке Г. Гранвальда, миллениум – «всего лишь условное обозначение в календаре. Но за нашим трепетным к нему отношением скрывается глубокий психологический смысл: необходимость увериться в том, что мы не потеряны во времени, что мы движемся в заданном направлении и что у нас есть к чему обратить свой взор».¹⁶ Индивидуальные цели подчиняются в данном случае некоторой большей цели, которую Беллами в послесловии к роману описал как «Золотой век, лежащий перед нами, а не за нами».¹⁷ В противовес Едгину Новый Бостон предоставляет своим гражданам большую свободу мысли, при которой, согласно М. Гарднеру, «все книги и газеты издаются под эгидой правительства, при этом они не подвергаются цензуре и могут содержать любые взгляды».¹⁸ Книжные полки библиотек в романе наполнены томами «интеллектуальных виртуозов» от Шекспира до Ирвинга. Современная литература, конденсирующая в себе память о минувшем, оттеняет вершинность настоящего момента, который контрастирует с мизерностью прошлого. Итак, риторика не только и не столько раскрывает сущность определенной религиозно-мифологической доктрины, выполняющей мировоззренческую функцию в художественном мире произведений, сколько детерминирует развитие сценария существования человека. В концепциях времени обоих авторов четко просматривается линейная векторность исторического процесса, определяющая ход жизни человека как фаталистически бесцельный или общественно полезный. Власть, чья риторика «отвердела» в религиозно-мифологическом сознании художественной реальности, устанавливает конечные желаемые цели или их отсутствие на индивидуальном и социальном уровне.

Риторика власти находит свое преломление также в механизме воздействия выдвигаемых теорий на ценности общества и принятое в нем мнение. В исследуемых романах наиболее семантически емкими формами обращения с духовной чувствительностью являются трактат и проповедь. Написав «Книгу машин», в которой легко различимо влияние дарвинского учения о происхождении видов, один едгинский философ совершил масштабный переворот в государственной политике и образе мышления и поведения сограждан. Ему удалось спроецировать гипотетическим путем линию развития живой материи на модель эволюции техники. Он предчувствовал неизбежную опасность в прогрессе машин, потому что последние, «коль им

¹⁶Grunwald, 1998, p. 87.

¹⁷Bellamy, 2000, p. 220.

¹⁸Gardner, 2000, p. 22.

уготовано превзойти нас в интеллектуальном развитии, как мы превосходим в этом животных», смогут завладеть и жизнью человека.¹⁹ Риторика местного философа, имеющая своей целью предупреждение об опасности механизации, откликнулась в сознании едгинцев призывом к немедленному действию. По словам Батлера, «разбуженное сознание индивида приведет его к таким опрометчивым поступкам, от которых ему следовало бы воздержаться; сознание же нации, разбуженное каким-нибудь достопочтенным господином, нажимающим тайные пружины, с лихвой вымостит дорогу в ад».²⁰ Увещевания, выказанные в трактате о машинах, обрели размах общепринятого мнения (*идгрунизм*), которое и стало одной из мишеней жанрового парадокса Батлера. «Сняв с ходячего мнения налет правдоподобия и очевидности, Батлер умеет обнаружить и показать зерна абсурда, фальши, бессмыслицы, таящиеся в самой его сути. Крупицы же истины он представляет в виде фантастического и нелепого предположения», – резюмирует Чекалов.²¹ Всего за несколько дней в Едгине под воздействием риторики был уничтожен всякий след технического прогресса, оставленный предыдущими поколениями.

В силу патетического характера проповедь обладает еще большей степенью суггестивности, нежели трактат. Риторика проповедника в художественном мире романа Беллами призвана ферментировать общественную уверенность в совершенстве идеала, констатировать благостное состояние «здесь и сейчас». По предположению Наталии Шогенцуковой, сам факт того, что «улучшение социума Беллами видит на путях служения Богу, как воплощение его замыслов на Земле», приводит в итоге к реализации бостонцами «древней мечты о свободе, равенстве, братстве».²² В этой связи проповедник указывает на анахронизацию такой категории, как библейские десять заповедей, вместе с оппозициями «бедность – богатство», «добро – зло». «Пришла к концу долгая и изнуряющая зима человечества, которое созрело к тому, чтобы лицезреть наступление рая», – находим в тексте романа Беллами.²³ Возникает вопрос: не вербализирует ли автор образ счастья, в которое человечество обращено «железной рукой»? Эдуард Баталов, обращаясь к утопическим сообществам Платона, Мора, Морриса, выявляет их статичность: «В них нет никакого движения, никакого развития, поскольку максимальный характер предела не оставляет пространства ни для продвижения вперед, ни для исторического

¹⁹Butler, 1942, p. 158.

²⁰*ibid.*, pp. 167-68.

²¹Чекалов, 1992, сс. 54-55.

²²Шогенцукова, 2003, с. 781.

²³Bellamy, 2000, p. 191.

“маневра”».²⁴ Едва ли «не таким же “заорганизованным” и строго регламентированным» представлялось Баталову общество будущего в романе «Взгляд назад». Непреложность риторики, а также механизм ее воздействия на сознание и жизнедеятельность человека и общества последовательно выявлены в художественном мире романов-утопий «Едгин» и «Взгляд назад». Батлер проводит мысль о колоссальных возможностях, таящихся в риторике, варианты актуализации которых не поддаются однозначному прогнозированию; Беллами, в свою очередь, приписывая риторике исключительную сакральность, убедительно показывает картину приведения в действие арсенала «общепонятных средств» словесного убеждения.

В романах-утопиях Батлера и Беллами, наряду с живописанием образов наилучшего мироустройства, творчески исследуется как явная, так и потаенная актуализация риторики власти, призванная соответствовать притязаниям воображаемой действительности и в то же время обладающая моделирующим воздействием на нее. Грани устойчивого состояния условного мира, пригодного для общего и – реже – индивидуального обживания, противостоят в утопии картине подвижной реальности, от которой они отталкиваются. В «Едгине» абсолютизируется роль художественного пространства, защищенного двойной границей от влияния извне; во «Взгляде назад» проблема границы решается посредством футуроспективного сдвига временной фокусировки, освобождающего еще не начертанные контрасты от риторического эффекта. Объективация суггестивного потенциала риторики, равно как и физической силы, здоровья, богатства, военной мощи, мыслилась Аристотелем правомерной лишь в соответствии с критерием справедливости: «[...] применяя эти блага в согласии со справедливостью, можно принести много пользы, а вопреки справедливости – много вреда».²⁵ И Батлер, и Беллами подвергли испытанию риторику власти в отдельно взятых сознаниях: Хиггс должным образом воспринял благие намерения, открывающие путь к действию, тогда как новый опыт Уэста привел к углублению пропасти неприятия им прежних профилей собственного существования. Именно индивидуальное сознание, которое в силах противостоять мнению толпы, включает в себе риторическую силу, приближающую к более или менее справедливой оценке состояния мира, художественного и не только.

Литература

²⁴Баталов, 1982, с. 50.

²⁵Аристотель, 2005, с. 8.

АРИСТОТЕЛЬ. *Риторика*, пер. с древнегреч. и примеч. О. П. Цыбенко. *Поэтика*, пер. с древнегреч. В. Г. Аппельброта. Москва: Лабиринт, 2005 [=Аристотель, 2005].

БАТАЛОВ, Э. Я. *Социальная утопия и утопическое сознание в США*. Москва: Наука, 1982 [=Баталов, 1982].

КИРХЕНГЕЙМ, А. *Вечная утопия*, пер. с нем. Ф. Павленкова. Санкт-Петербург: Эрлих, 1902 [=Кирхенгейм, 1902].

ПЛАТОН. *Критий*, пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева. ПЛАТОН. *Сочинения в трех томах*, под общ. ред. А. Ф. Loseва и В. Ф. Асмуса. Москва: Мысль, 1971. Т. 3.1. С. 545-560 [=Платон, 1971].

ЧЕКАЛОВ, И. И. *Парадокс Батлера о машинах // Научные доклады высшей школы Филологические науки*. Т. 1, 1967. С. 87-98 [=Чекалов, 1967].

ЧЕКАЛОВ, И. И. *Правовой парадокс Батлера и его источники // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языковедение, литературоведение*. Т. 1.2, 1992. С. 54-66 [=Чекалов, 1992].

ШАДУРСКИЙ М. И. *Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова*. Москва: ЛКИ, 2007 [=Шадурский, 2007].

ШАДУРСКИЙ, М. И. *Художественная модель мира в романах-утопиях С. Батлера и О. Хаксли: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Минск: БГУ, 2008 [=Шадурский, 2008].

ШОГЕНЦУКОВА, Н. А. *Утопический роман. Эдвард Беллами // История литературы США*. В 7 т., ред. кол.: Я. Н. Засурский и др. Москва: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 4: Литература последней трети XIX в. 1865-1900 (становление реализма). С. 771-802 [=Шогенцукова, 2003].

BELLAMY, E. *Looking Backward: 2000-1887*. New York: Signet, 2000 [=Bellamy 2000].

BUTLER, S. *Erewhon. Erewhon Revisited*. London: J. M. Dent & Sons, 1942 [=Butler, 1942].

CANNAN, G. *Samuel Butler: A Critical Study*. London: Martin Secker, 1915 [=Cannan 1915].

GARDNER, M. *Looking Backward at Edward Bellamy's Utopia // New Criterion*. No. 19.1, 2000. P. 19-25 [=Gardner, 2000].

GRUNWALD, H. *Can the Millennium Deliver? // Time*. No. 151.18, 1998. P. 84-87 [=Grunwald, 1998].

HOLT, L. E. *Samuel Butler*. New York: Twayne, 1964 [=Holt, 1964].

JACOBY, R. *A Brave Old World: Looking Forward to a Nineteenth-Century Utopia // Harper's Magazine*. No. 301.1807, 2000. P. 72-77 [=Jacoby, 2000].